

«Мальчик»

Венедикт Ерофеев между любовью и смертью

Независимая, - 2002 - 14 мая с 2.

Светлана Кузнецова

Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева. – М.: Вагриус, 2002, 320 с.

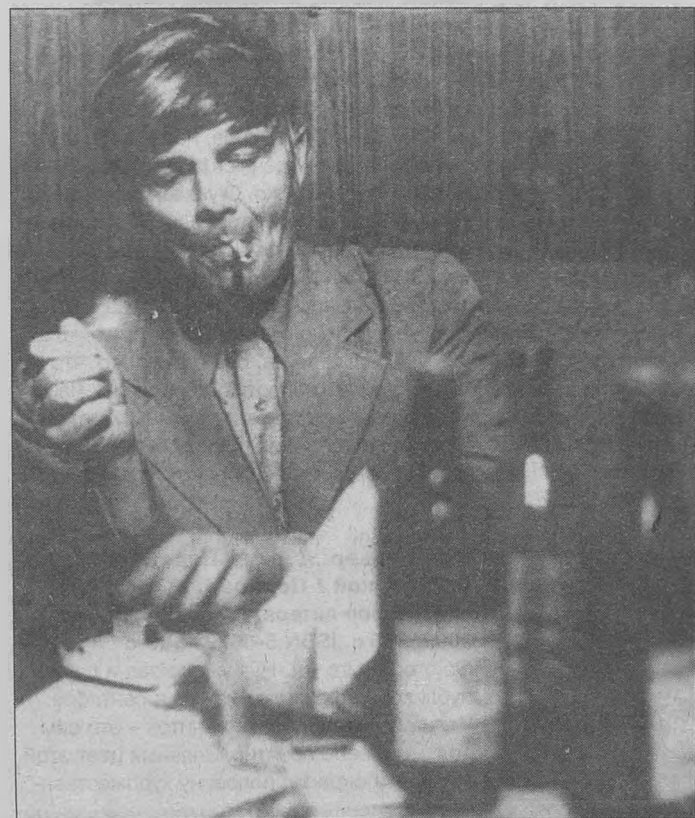

«4 апреля. В больницу не ездила и вечером позвонила Гале. Разговаривала со мной сухо. Под конец обвинила в том, что из-за меня Ерофеев не дописал «Фанни Каплан»: «Надо было беречь его силы, а не ходить по выстав-

нички, жизнь от бутылки «Вермута» до ста граммов коньяка за страницу текста, его постоянное желание дописать пьесу «Фанни Каплан», его одержимость идеей построить загородный домик для счастья – все это подано удручающе монотонно. Но, с другой стороны, жизнь вообще штука монотонная, будь ты даже Веничкой, и в этом смысле дневники похожи на настоящие, а на литературные не похожи.

Конечно, Шмелькова – не Эккерман. Там, где читателю хотелось бы подробных объяснений, автор ограничивается: «Хотите узнать о его мировоззрении – читайте «Москву – Петушки», а я занимаюсь только хронологией». То есть мы имеем дело с как бы документом: «Невозможно забыть, как ироничен и остроумен был Ерофеев. Он любил шутку, веселую историю, удачный каламбур» и так далее. Все желали ему добра. Все хотели, чтобы он жил и работал. Все, в конце концов, любили его. А он что?

Ерофеев в книге – не человек, а предмет, с которым пыта-

Классик в хрестоматийной обстановке.

кам!» Спросила ее: «Почему же за 13 лет с тобой он написал только «Вальпургиеву ночь»?» Перешла на крик».

Книга, в которой часто непонятно кто переходит на крик, представляет собой дневники женщины, близкой Венедикту Ерофееву в последние годы его жизни, вплоть до самого последнего дня – 11 мая 1990 года. Особое место Наталья Шмелькова отводит ее малохудожественным пикировкам с женой Ерофеева (см. выше), которые тем не менее из разряда скандалов кухонных в разряд литературных не переходят.

В предисловии автор предупреждает, что отдельные страницы покорабят многих читателей. И верно: пьяный угар Ве-

ются произвести все вышеперечисленные действия самые разные люди. Его, как шкаф, двигают то туда, то сюда. В шкафу что-то бренчит – это Ерофеев капризничает, не «вдвигаясь» ни в добро, ни в любовь. Изредка его образ поднимается до уровня домашнего животного – тогда Галина и Наталья называют его между собой «мальчиком», как кобелька.

Таким образом, ни с литературой, ни с документом мы не имеем дела. Мы имеем дело с попыткой вписать Венедикта Ерофеева в «наш круг», освятив тем самым его. Кого освятить, спросит образованный читатель, Ерофеева или крут? А кого хочешь, уважаемый. Кого хочешь.